

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.

Рассматривается региональная политика империи в Казахской степи, изучаются мнения чиновников различного ранга по ее совершенствованию. Структурно-системный метод изучения источников позволил автору очертить контуры правительственной политики, исследовать генезис взглядов чиновников различного ранга на развитие казахского общества, на совершенствование административной политики после введения реформы 1844 г. Метод помог раскрыть слабые стороны в законе, выявить предложения по совершенствованию управления Казахской степью и проследить реализацию данных предложений.

Ключевые слова: Казахская степь Оренбургского ведомства; реформа; Н.И. Любимов; М. Ладыженский; Ф.М. Лазаревский; региональная политика; Российская империя.

Территориальное расширение Российской империи в XVIII–XIX вв. поставило на повестку дня вопрос сохранения единого политического, социально-экономического и правового пространства государства. Административная политика Российской империи на окраинах имела как специфические, так и общие принципы. Эти принципы вырабатывались общим ходом исторического развития государства и приобретаемого им опыта строительства многонационального, поликонфессионального государства.

Включение в состав империи разных социокультурных обществ, в нашем случае – казахов Младшего жуза, требовало от центра единообразия административного управления и унификации правовых норм. Но решение данного вопроса столкнулось на местах с серьезными проблемами, среди которых были нехватка кадров, слабая изученность края, отсутствие полной информации об обычном праве казахов.

В первой половине XIX в. оренбургская администрация активно обсуждала вопрос эффективного управления кочевым населением Казахской степи, создания административно-территориальной модели, не производя коренного изменения. После проведения «Положения об управлении оренбургскими киргизами (казахами. – Г.Б.)» 1844 г., которое было введено в виде опыта на 5 лет, активно обсуждался вопрос дальнейшего совершенствования отдельных статей этого закона в стенах Оренбургской пограничной комиссии (ОПК), в канцелярии военного губернатора, в кабинетах МИД.

Руководитель МИД К.В. Нессельроде в письме к новому председателю ОПК М.В. Ладыженскому (1844–1854) так определил цели данной реформы: «...во-первых, привести в лучшее устройство самое управление в Орде, не делая, однако же, коренного преобразования, а оставляя тот же порядок, какой до сего был, в главных его основаниях; во-вторых, дать Оренбургской пограничной комиссии заведующей сими киргизами, большие средства для наблюдения за успешнейшим течением всех дел по Пограничному управлению» [1. Л. 103 об.; 2. Л. 51 об.]. Созданная Оренбургской администрацией модель административно-правового управления казахами была более гибкой, чем в других окраинах империи. Правительственный курс на политику в Казахской степи не всегда был отражением общих принципов, зачастую он зависел от личных взглядов администраторов регио-

на, председателя и чиновников Оренбургской пограничной комиссии.

В данной статье речь пойдет о взглядах вице-директора Азиатского департамента Н.И. Любимова (директор с 1852 по 1856 г.), председателя ОПК М.В. Ладыженского (1844–1854), чиновника особых поручений при председателе ОПК Ф.М. Лазаревского (1848–1854) на политику империи в регионе. На основе их докладных записок будет рассмотрен взгляд чиновников на совершенствование административной политики в Казахской степи.

Эти личности имели прямое отношение к Казахской степи. Вице-директор Азиатского департамента, действительный статский советник Николай Иванович Любимов¹ был представителем того учреждения, которое непосредственно определяло и отвечало за политику в этом регионе. Проведя весну и начало лета 1846 г. среди казахов, Н.И. Любимов изучил положение дел в Казахской степи после введения реформы 1844 г., увидел трудности. Он, проехав по Оренбургской линии, беседуя с султанами-правителями Орды, собрал материал о мнении представителей казахской элиты о статьях реформы 1844 г., о ее упущениях и т.д. 25 июня 1846 г. в Петербурге Н.И. Любимов представил управляющему МИД Л.Г. Сенявину свое видение о степи. «Докладная записка чиновника Любимова, управляющему МИД относительно некоторых вопросов государственного управления у казахов Оренбургского ведомства» является результатом его поездки.

Михаил Васильевич Ладыженский прослужил долгое время в Казахской степи. В апреле 1838 г. был назначен офицером для особых поручений при командире Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанте князе П.Д. Горчакове. 23 июля 1838 г. назначен исправляющим должность пограничного начальника сибирских казахов. 3 мая 1844 г. был произведен в генерал-майоры с назначением председателем ОПК, т.е. он был непосредственным руководителем учреждения, которое определяло и проводило в жизнь региональную политику Российской империи в Казахской степи.

Чиновник особых поручений при председателе ОПК Федор Матвеевич Лазаревский, проведя 1,5 года в командировке в казахской степи, живя среди кочевого народа, в 1852 г. представил «Записку о состоянии Западной части Орды и Уральской линии» [4]. Он

изучил быт, обычное право номадов, родоплеменной состав казахов Младшего жуза. В своей работе Лазаревский поднимал злободневные вопросы, на которые должна была обратиться ОПК, и искал выходы из сложного положения.

Таким образом, изучение позиций и взглядов чиновников, непосредственно реализовавших политику империи в Казахской степи, обзор неосуществленных проектов помогут нам оценить их роль и рассмотреть, насколько активной и напряженной была работа по дальнейшему совершенствованию правительственной политики в крае.

Основным органом, отвечавшим за политику в Казахской степи, была Оренбургская пограничная комиссия. Чиновники ОПК не раз обращали внимание на ее неустроенность. В 1820 г., приступив к должности председателя ОПК, В. Тимковский раскритиковал положение дел в комиссии, ее сотрудников назвал «людьми без образования, стесненными в содержании, скудными духом, более или менее замаранными хищением баранов...» [5. Л. 12]. Пограничная комиссия, по словам В.Ф. Тимковского, представляла собой «расправу, съезжую избу, некоторого рода Банк», в большем неустройстве и безобразии. Комиссия предстала перед новым председателем как «чуждое учреждение, без твердого основания, без точных положительных правил, без определенных отношений к местам и лицам», которая занималась только разбором ссор, драк, делами, касающимися кражи, перехода кочевников за р. Урал.

На неустроенность архива учреждения, на недостаток в организации делопроизводства обращали внимания и другие сотрудники ОПК. Ф.М. Лазаревский указывал на необходимость составления свода постановлений МИД, главных начальников края, касающихся всех вопросов относительно казахов Оренбургского ведомства. Он писал, что необходимо собрать все постановления хотя бы с 1824 г., так как они рассеяны в различных делах Пограничной комиссии и канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. «Они не могут быть удержаны все в памяти, а для чиновника нового, желающего изучить их, труд этот едва ли доступен, между тем от незнания их могут случаться повторения, противоречия и ошибки в распоряжениях», – писал чиновник [4. Л. 44 об.].

После введения «Положения об управлении оренбургскими киргизами (казахами. – Г.И.)» 1844 г. последовало изучение совершенства статей данной реформы. При изучении состояния казахской степи после реформы, выявления недостатков «Положения» большую роль сыграли чиновники российской администрации. Они обратили внимание при реализации закона почти на все ее статьи. Одной из статей «Положения» 1844 г. был сбор кибиточной подати. Перед оренбургскими начальниками края (председатель ОПК и военный губернатор) ставились задачи: изменить систему сбора кибиточного налога как необходимой меры, для этого назначить местными начальниками родоправителей и через них собрать информацию о числе кибиток каждого района; определить места для кочевков казахов каждого района в соответствии с числом людей, скота и другим стоятельства-

ми. Численность кибиток можно было определить только зимой, когда казахи прикочевывали к линии.

Данный вид налога собирался с каждой кибитки по 1 руб. 50 коп. серебром в год (§ 79) и находился в исключительном ведении Азиатского департамента МИД. Расходы с него производились с разрешения императора, по докладу МИД. Пограничная комиссия отчитывалась за сбор кибиточной подати перед Азиатским департаментом (§ 82, 98) [6. С. 224, 226].

С каждым годом увеличивалось количество населения, которое прикочевывало к линии. Так, например, в 1849 г. к линии прикочевало 26 546 кибиток с населением 91 189 чел. За этот год было собрано 74 тыс. руб. серебром. В 1850 г. прикочевало 50 тыс. кибиток [7. С. 224, 226]. Собрание данной подати зависело от знания точного количества людей, поэтому в этом вопросе уделялось большое внимание компетентности, добросовестности султанов-правителей, дистанчных и местных начальников. ОПК предстояло собрать не только точные сведения о населении степи, но и проверить прозрачность сбора. Все эти вопросы поднимали чиновники в своих отчетах, «Записках».

Так, например, Ф.М. Лазаревский предлагал внести изменения в § 79, 84, 86, 87 «Положения» 1844 г. В § 79 «Положения» говорится: «Доход по ведомству управления Оренбургскими киргизами суть следующие:

А) плакатный сбор по 15 к. сер. в месяц, за билеты выдаваемые киргизам, нанимающихся у линейных и внутренних жителей в работники и находящимся вне степи в отлучке от своих жилищ» [6. С. 224]. Он считал удобным разделить билеты работников от билетов «на отлучки от жилищ». Первые, по заведенному порядку, выдавались казачьим начальством. Вторые он предлагал выдавать дистанчным начальникам и султанам-правителям, а не линейным начальникам. Последние, не зная казахов, не зная тонкости дела, не должны выдавать ему билет на нахождение вне степи. Казаху также трудно и не выгодно было сперва брать «свидетельство от своей ордынской власти в том, что к отлучке из Орды нет препятствий и потом ехать к линейному начальнику для получения билета».

Параграф 84 того же «Положения» звучал следующим образом: «Кибиточный сбор производится киргизскими дистанчными начальниками и начальниками аулов и доставляется в комиссию установленным для сего порядком» [6. С. 224]. Лазаревский предлагал изменить. По его мнению, кибиточный сбор должен был собираться начальниками аулов под ближайшим наблюдением дистанчных начальников на линии и родоправителями в степи. Он считал, что одно и то же лицо должно производить сбор, так как если сбор начнут собирать и дистанчный, и аульный начальники, проверить их уже было бы трудно.

Параграф 86 «Положения» гласил: «Для предупреждения злоупотреблений при сем сборе Пограничная комиссия снабжает дистанчных и аульных начальников печатными бланковыми квитанциями на русском и татарском языках за подписью одного из советников, с приложением печати комиссии, для выдачи оных киргизам, внесшим деньги, и шнуровыми

книгами на записку сих квитанций» [6. С. 225]. Сюда он предлагал внести изменения следующего характера: указывать в квитанциях каждую кибитку, заплатившую кибиточный сбор, и показывать точно с «чьих именно кибиток сделан взнос денег». Выдача квитанций на несколько кибиток, согласно § 87 «Положения», без указания хозяев этих кибиток вызывала трудности для контроля сбора. Комиссия имела уже такие случаи. Все эти мероприятия должны были улучшить контроль за взиманием кибиточного налога с казахов Оренбургского ведомства [4. Л. 46 об.–47].

Главной целью податной системы были ее уравнительность и облегчение для бедных. По мнению генерал-майора М. Ладыженского, учитывая сложность составления нормы суммы кибиточного налога, необходимо было уточнить число кибиток каждого района и общую сумму, которая должна ежегодно собираться. Затем, объявив эту сумму, предоставить казахам возможность делать между собой раскладку подати, чтобы «каждый платил сообразно своим состоянием: богатый – более, неимеющий – менее» [6. С. 229].

Султан-правитель Западной части Орды Б. Айшуаков во время встречи с вице-директором Н.И. Любимовым указывал, что кибиточный налог одинаков как для бедняка, так и для богача. Он, как один из знатоков положения казахов, предложил освободить бедных кочевников от налогов. К категории бедных Б. Айшуаков относил кочевника, имеющего 20 баранов, 5 коров и 1 верблюда, так как это число скота могло дать кочевнику возможность существования его с семейством [Там же. С. 230].

Казахские султаны обратили внимание вице-директора на то, что «они поставлены в этой подати наравне с простыми киргизами», т.е. «Положение» 1844 г. не учитывало их привилегированное, чингизидское происхождение. Представители «белой кости» были готовы платить больше, лишь бы не быть на одном уровне с представителями «черной кости», так как это унижало первых в понятии народа. Султаны-правители просили освободить их от уплаты кибиточного налога. Н.И. Любимов высказался за удовлетворение просьбы, так как, учитывая, что число султанов в трех частях Орды незначительно, то потери и ущерб в освобождении их предвиделся не большим. Данное мнение было учтено при проведении реформ 1867–1868 гг., когда «белая кость» – чингизиды были освобождены от кибиточного налога.

Реформа 1844 г. предусматривала открытие при ОПК школы для казахских детей, главной целью которой была «подготовка способных и нужных людей», т.е. письмоводителей, для частного управления (§17). Был определен штат школы: надзиратель, два учителя и учитель законов «магометанского исповедания». К весне 1845 г. из штата школы был определен только надзиратель, на которого было возложено наблюдение за работами по отделке дома для школы, а также дома для Пограничной комиссии. Он же составлял смету на заготовление всего необходимого к открытию и содержанию школы [8. Л. 25].

«Нам следовало бы спуститься до киргизского (казахского. – Г.Б.) обычая, примирить русский закон с обычаем страны и потом, заискавши более к себе до-

верия, шаг за шагом вести народ к той степени общественного устройства, на котором желаем его видеть», – писал Ф.М. Лазаревский. По его мнению, «учреждением киргизской (казахской. – Г.Б.) школы положена прочная ступень к этому, от мальчиков, которые из нее выйдут должно ожидать в будущем многого для степи» [4. Л. 11 об.]. Школа для казахских детей при ОПК была открыта 22 августа 1850 г., и это было большой заслугой М. Ладыженского. В школе с момента открытия и до закрытия в 1868 г. получили образование 48 казахских мальчиков.

Сложным на линии оставался вопрос взаимоотношений казахов с казаками. Николай Иванович Любимов во время встреч и бесед с султаном-правителем Б. Айшуаковым обратил на это внимание. Вице-директор в докладной записке ставит вопрос рассмотрения оренбургским начальством дел о претензиях казахов и казаков на прилинейные земли. Это было связано с тем, что во время его поездки казахи часто жаловались, что казаки отняли у них все лучшие сенокосные места за линией. Он предлагал, для отвращения на будущее время споров за землю между казахами и казаками и всяких насилий со стороны казаков, точно определить и выяснить права казахов и казаков на прилинейные места, чтобы каждый знал, что кому принадлежит [6. С. 231].

Надо отметить, что данная проблема поднималась казахскими депутациями во время поездки в столицу. Так, например, султан-правитель Восточной части Ахмет Джантюрин в феврале 1850 г. представил министру иностранных дел записку с несколькими просьбами. Среди них была просьба определить четкую границу между землями казаков и казаками, «дабы киргизы (казахи. – Г.И.) положительно уже знали бы какими местами прилинейные казаки могут пользоваться и какими не должны. Это – одно средство чтобы: во-первых, пресечь всякие взаимные неудовольствия, жалобы, тяжбы, а во-вторых, дать киргизам (казахам. – Г.И.) близ линии обыкновенно и постоянно зимующим, возможность поддержать и улучшить свое скотоводство, составляющее единственное их достояние» [9. Л. 163–163 об.].

На данную проблему обратил внимание и Ф.М. Лазаревский. Во время бесед с чиновником казахи высказывали ему свои трудности. Автор определил несколько причин недовольства линейных казахов, главными среди них отметил сложность сенокосения близ р. Урала и стеснение казаками. Ф.М. Лазаревский так описывает положение прилинейных казахов: «Для линейного киргиза весьма важно в его быту: выгодная зимовка и достаточный запас на зиму для скота сена. По местным распоряжениям Оренбургского начальства, сколько мне известно, уральские казаки и киргизы должны пользоваться сенокосением за р. Уралом, по необходимости и взаимному доброму соглашению.

Казаки, считающие свои права на левый берег р. Урала несомненными и твердо стоящие за эти права, распоряжаются там сенокосением, как хозяйева, без всякого соглашения с киргизами, давая им то, что захотят им дать. 20 дней они косят за р. Уралом и потом уже остатки не выкошенного отдают киргизам. Для казаков здесь два огромных преимущества: они

косят, когда сено в поре зрелости, косят, где им угодно и естественно выкашивают самые лучшие участки. Для киргизов в такой же степени 2 невыгоды: они косят сено дурное, брошенное казаками и к тому же перезревшее, сухое» [4. Л. 29–30 об.].

Еще одной проблемой, с которой сталкивались казахи на линии, были взыскания казаков за потраву. По правилам попечительской инструкции, сено должно было быть огорожено или окопано, но казаки говоря: «Земля наша и мы распоряжаемся ею, как сами знаем», не выполняли этого. Сено, собранное казаками и оставленное возле зимовок казахов, было бедствием для последних. Голодный скот, добывающий всю зиму скудный корм из-под снега, обязательно подходил к стогу, и начинались проблемы у хозяев скота.

«Когда известно, чьим скотом потравлено сено, то казаки имеют самое действительное средство ко взысканию того, что ими же назначается за потраву. Они задерживают самого хозяина или кого-либо из его родственников, или же захватывают скот его и не возвращают, пока не будут удовлетворены. Если неизвестно, чьим скотом потравлено сено, уплата за потраву разлагается на тех киргизов, которых кибитки ближе находились к сену» [Там же. Л. 32 об.].

Ф.М. Лазаревский во время проезда зимой по Уральской линии был свидетелем многих разбирательств по потравам. Он предлагал определить степень прав пользования за р. Уралом сенокосением казаков и казахов и положить предел самоуправству первых. Он рекомендовал разрешить казахам строить землянки и дома на левой стороне р. Урал.

Следует отметить, что вопрос разрешения конфликта по сенокосным землям поднимался еще ранее. Главный начальник МИДа К.В. Нессельроде не раз требовал уточнения необходимости в сенокосных землях внутри линии казаками. Возникновение института попечительства было связано в первую очередь с этим вопросом.

Прекращение барымты² и взаимных претензий стало одним из главных вопросов ОПК в налаживании спокойствия в степи. Барымта как убийство, разбой, захват русских, возмущение своих соплеменников против правительства рассматривался военным судом (§ 56). Для быстрого решения вопросов на местах, раскрытия совершенных преступлений одним из действенных методов рассматривалось передвижение султанов-правителей каждое лето в глубь степи с состоящими при них двухсотенными отрядами. Данная мера была предложена председателем ОПК М. Ладыженским: состоящие при султанах-правителях отряды были бы всегда в полной готовности, иметь одно оружие и снабжены всем необходимым, «для укрытия от непогоды и зноя палатками или джуламейками»³. Он предлагал выделять этим отрядам на содержание деньги наравне выделявшейся сумме для поимки руководителя восстания 1837–1847 гг. Кенесары Касымова. Сумма должна была покрываться за счет кибиточного налога с кочевников [8. Л. 16–16 об.].

С 1845 г. султаны-правители по решению оренбургского военного губернатора начали передвижение по степи. Данный опыт дал положительные результаты. В отчете ОПК за 1849 г. говорится: «Кир-

гизы опасаясь присутствия в орде военной силы, не всегда решаются на преступления, а разбор производимый султанами-правителями при подобных передвижениях, многочисленных родовых претензий и частных исков прежнего времени искореняет, заметно, баранту и кровную месть, два гибельнейшая по своим последствиям, начала всякого беспорядка в орде» [7. Л. 16 об.].

МИД в 1848 г. одобрил данный опыт и исходатайствовал, чтобы «часть потребной ежегодно на наем верблюдов для поднятия тяжестей и продовольствия отрядов султанов-правителей суммы 2 875 руб. сер. отнесены были на остатки от ассигнуемых, 6 573 руб. 85 ½ коп. [из денег выделенных на] улучшенное довольство отрядов, 1 500 руб. сер. в год, пополнять из кибиточного сбора» [Там же. Л. 17].

Еще одним мероприятием, где решались претензии казахских родов друг к другу, был съезд почетнейших биев и старшин враждующих родов. Данная мера также была предложена чиновниками Пограничной комиссии оренбургскому военному губернатору и МИД с представления султанов-правителей. В 1849 г. правителям Средней и Восточной частей было разрешено на границе разобрать претензии казахов родов шомекей и торткара друг к другу и принять решительные меры к разбору всех возникших на них до того претензий со стороны других родов, не приступая лишь к окончанию дел по убийствам, грабежам и барымте. В конце 1849 г. султаны-правители Ахмед Джантюрин (Восточная часть) и Араслан Джантюрин (Средняя часть) донесли о прекращении множества дел по претензиям казахов двух частей друг к другу [Там же. Л. 18 об.].

Управляющему Западной частью М. Тяукину было поручено заняться соглашением казахов рода адай, кете и других с издавна враждующих между собою родов. Для оказания ему помощи был отправлен состоящий при председателе ОПК чиновник особых поручений Ф.М. Лазаревский [Там же. Л. 17–17 об.].

По результатам донесений султанов-правителей выяснилось, что невозможно потребовать выдачи из степи для предания суду лиц, виновных в проведении междоусобной барымты, так как в этом участвовали большою частью целые отделения и рода. М. Ладыженский предложил военному губернатору рассмотреть вопрос о предоставлении султанам-правителям и старейшинам претендующих сторон все начавшиеся с 1832 по 22 июня 1849 г. дела об убийствах, барымте, грабежах, воровстве и исках разного рода во всех трех частях орды. Он предлагал закончить эти дела на тех же основаниях, на каких Высочайше было разрешено в 1846 г. произвести разбирательства обоюдных споров у оренбургских казахов с сибирскими соплеменниками, освободив и виновников преступлений от дальнейшего преследования судом. Было получено разрешение МИДа, и летом следующего года прошел съезд почетнейших биев и старшин враждующих родов во главе с султанами-правителями [Там же. Л. 17 об.–18].

Вопрос разрешения спора и претензий казахских родов к казахам рода адай и наоборот оставался открытым в течение многих лет. Это объяснялось отдаленностью кочевий адаевцев, неповиновением их

местному начальнику и отказом явиться к управляющему частью для окончания вражды с другими родами. По показанию биев обеих сторон, «вражда эта продолжалась, как например, с алимцами [алимулы] более 60 лет» [7. Л. 19]. В разрешении этого вопроса большого успеха достиг съезд почетнейших биев и старшин, проходивший в 1850 г. Султан-правитель Западной части М.-Г. Тяукин направил к адаевцам для убеждения их явиться к соглашению султана Асфендияра Сюгалина. Ему, как «человеку с сильным и стойким характером, обладающему даром слова и весьма уважаемому в Орде», удалось убедить явиться на этот съезд 12 почетных биев и более 200 адаевцев. В присутствии этих биев и многих почетнейших ордынцев враждующих сторон, султаны-правители, открыв заседание, добились решения, по которому казахи родов адай и шекти решили прекратить взаимные иски [Там же. Л. 74 об.]. Проведение следствия, суда на основе казахского обычного права было одним из главных направлений региональной политики империи в Казахской степи Оренбургского ведомства.

Институт султанов-правителей стал первым этапом формирования казахского чиновничества. Ф.М. Лазаревский обращает внимание на роль султанов-правителей в усилении российской власти в Казахской степи и отношения к ней казахов. По его мнению, султаны-правители получили огромную власть, поэтому «необходимо избирать на эти должности султанов самых достойнейших, благомыслящих, отличнейших по способностям и лучших по характеру» [4. Л. 18 об.]. Именно выходцы из данной среды были строителями и преобразователями казахской степи, но были уязвимы.

Известны примеры, когда казахи доносили на своих султанов-правителей, например на султана-правителя Восточной части Ахмета Джантюрина. Его обвинили в превышении полномочий. Пока ОПК разобралась в его невиновности, во-первых, он был ущемлен в своих правах, во-вторых, отношение подчиненных к нему вызвало еще большее уважение. Во время командировки Ф.М. Лазаревского по Западной части оказалось, что едва ли не все должностные лица этой части находились под следствием, некоторые тянулись несколько лет.

Ф.М. Лазаревский пишет: «В Орде всякий донос Пограничному начальству основан на расчетах, на отношениях и можно быть уверенным, киргиз не пустится в дела из одной любви к истине и справедливости. Большею частью доносят на тех, кто лучше служит Пограничному начальству, киргизы (казахи. – *Г.И.*) таких не любят» [4. Л. 43]. По мнению чиновника ОПК, следствие над должностными ордынцами «сделалось мерою такого обыкновенного, что оно потеряло уже свою нравственную сторону». На все доносы и жалобы казахов друг на друга, по суждению Ф.М. Лазаревского, необходимо было предварительно провести розыск или дознание чрез благонадежного русского чиновника. Он призывал должностных и вообще обязанных службою ордынцев за неисполнительность и упущения по службе сначала подвергать внушениям, наставлениям, исправительным взысканиям, а потом уже неисправимых – наказаниям более строгим, на основании законов [4. Л. 42 об.].

О том, насколько нахождение под следствием влияет на казахских чиновников, он писал: «Некоторые из находящихся под следствиями превосходно служат и заслугами своими имеют право на внимание и отличие начальства, но подсудность препятствует отличию их, не видя конца следствиям, не ожидая поощрения за службу, они становятся равнодушны к ней и жертвуют интересами ее личным расчетам» [4. Л. 43 об.].

Ф.М. Лазаревский предлагал: следствие над казахскими чиновниками заканчивать в кратчайшие сроки (в 1–2 месяца); над особо запутанными или трудными делами, жертвуя некоторыми формальностями, производить суд на основании тех данных, сколько необходимо для раскрытия истины; о решении суда над подсудимом публиковать по Казахской степи, чтобы казахи поняли, «сделавши преступление они не будут оставаться по несколько лет не наказанными и добрые последствия этой меры не замедлят обнаружиться» [Там же. Л. 43 об.–44].

За свою службу дистанционные и местные (аульные) начальники не получали жалованья. Вице-директор Азиатского департамента МИД Н.И. Любимов предлагал назначить им скорее жалованье, «так как не определение им доселе жалованья сего и никакого вообще возмездия за их труды производит на них, не совсем выгодное для нас впечатление, многие уклоняются от исправления возлагаемых на них должностей, или же исправляют их без всякого рачения, именно потому, что не видят никакого возмездия за подобные труды по званию...» [6. С. 231].

Предложения Н.И. Любимова не были сразу введены действия, оно требовало доработок. ОПК имела опыт награждения казахов за усердную службу, преданность правительству медалями, орденами, единовременными денежными выплатами и т.д. Так, например, в отчете ОПК за 1849 г. сообщается, что были награждены: серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее – 1; серебряными медалями для ношения в петлице с надписью «За спасение погибавших» – 2; почетными кафтанами и сукном на них – 10; единовременными денежными выплатами – 21; похвальными листами – 7 [7. Л. 40], а в 1850 г.: похвальными листами – 1; единовременными денежными выплатами – 17; золотыми часами – 1; суконными кафтанами – 19; почетными саблями – 4; серебряною медалью – 1; золотыми медалями – 2; орденом св. Анны 3 степени – 1 [Там же. Л. 92 об.]. Также ОПК награждала военными чинами. Если в 1849 г. чин хорунжего был присвоен двум, то в 1850 г. были пожалованы чины: полковника – 2; войскового старшины – 1; есаула – 1; сотника – 1 [7. Л. 40, 92 об.].

Ф.М. Лазаревский предлагал разрешить дистанчным и местным начальникам во время исполнения должностей пользоваться чинами зауряд. Это было необходимо, по его мнению, для возвышения должностей дистанционных и местных казахских начальников, чтобы при первом занятии ими тех должностей дать им очевидные преимущества перед другими, и в особенности для внушения казакам, от которых иногда местные начальники терпели и побои [4. Л. 45]. Он предлагал разрешить дистанчным начальникам во время прохождения своей службы пользоваться чи-

ном зауряд-сотника, а местным начальникам – зауряд-хорунжего.

Он предлагал дистанчного начальника через 8 лет безукоризненной и беспорочной службы наградить чином хорунжего, а второго за такую же службу чином хорунжего через 15 лет, но отличные заслуги давали им право раньше этого срока получить эти чины. Управляющих степными родами за 12 лет безукоризненной и беспорочной службы можно было награждать золотыми медалями, начальников отделений за столько же лет такой же службы – серебряными медалями. Если они показывали свое усердие и отличные качества, то те и другие имели право получить награды раньше назначенного срока [7. Л. 45–45 об.]. По предложению ОПК, казахские чиновники – султаны-правители, дистанчные начальники, аульные старшины – могли рассчитывать на награду за верную службу.

Таким образом, возникновение ряда проблем (непрекращение барымты, утайка некоторыми родоначальниками и местными начальниками кибиточного сбора, сложность форм делопроизводства в канцеляриях султанов-правителей) требовало корректировки прежнего правительственного курса. Представленные чиновниками различного ранга «Записки» как вид исторического источника позволили нам рассмотреть мнения и позиции их авторов на вопросы эффективного управления регионом, дальнейшего совершенствования административной политики в Казахской

степи. Свидетельство современников позволило нам шире и разносторонне рассмотреть имперскую политику, так как они существенно дополняют официальную документацию.

Сбор и проведение судопроизводства на основе обычного права казахов, передвижение султанов-правителей в глубь степи позволили быстро восстановить справедливость, сократить количество дел в канцеляриях султанов-правителей, разрешить спорные дела, длившиеся десятилетиями. Российская империя принесла в Казахскую степь новые правовые структуры, но не смогла до конца искоренить казахское обычное право, наоборот, она старалась изучить и на основе ее совершенствовать судопроизводство. Предложения председателя ОПК М. Ладыженского по вопросам разделения дистанции на разряды и назначения жалованья, предложения Ф.М. Лазаревского о проведении суда на основе обычного права получили свое решение. Были совершенствованы статьи положения о судопроизводстве, налогообложении в реформах, проводимых в Казахской степи в 1867–1868 гг, 1891 г.

Правительство преследовало цель политической и экономической интеграции окраин, стремилось создать государство с административной, социальной и правовой однородностью, но специфические черты регионов подталкивали центр к учету ее национальных и региональных особенностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор сборника «Материалы по истории политического строя Казахстана» М.Г. Масевич допустила опечатку в инициалах автора «Записки» Н.И. Любимова (в документе на с. 226, 233, 245 указывается Н.С. Любимов). Николай Иванович Любимов был известным дипломатом и деятелем. Указом от 10 марта 1842 г. он был пожалован в статские советники за сопровождение в качестве пристава российской духовной миссии в Пекин. 10 апреля 1843 г. Любимов был назначен вице-директором Азиатского департамента, в 1846 г. награжден чином действительного статского советника и орденом Св. Владимира 3-й степени. 26 февраля 1852 г. назначен директором Азиатского департамента [3. С. 805].

² Российской администрацией барымта рассматривалась как разбой или грабеж, акт дестабилизирующий, затрудняющий управление и контроль над степью и препятствующий торговле в этом регионе. Барымта для кочевников не была преступлением; это был скорее легитимный правовой обычай, коренившийся в свойственном казахской культуре понимании несправедливости, чести и возмездия. Хотя ее обычно воспринимали как увод домашнего скота другого кочевника, барымта не была простой покражей, поскольку увиденный скот в конечном итоге возвращался владельцу. Она расценивалась как акт самосуда, целью которого было вынудить пересмотр несправедливо решенного или вообще нерешенного дела, и если она осуществлялась успешно, то рассматривалась как достойное и даже героическое деяние [10. С. 361].

³ Джуламейка (по казахски жол уй) – это казахская юрта в миниатюре. Уральские казаки ее называли шатер, кибитка. Джуламейка широко использовалась российской армией в походных условиях в казахской степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5516а.
2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 373.
3. Русский биографический словарь. Изд. Императорским Русским Историческим Обществом / под ред. Н.Д. Чечулина, М.Г. Курдюмова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914. Т. 10. 846 с.
4. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 г. Д. 222.
5. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73.
6. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции): сб. док. / сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1960.
7. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 г. Д. 215.
8. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389.
9. РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1848 год. Д. 8.
10. Мартин В. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 360–388.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2017 г.

THE KAZAKH STEPPE OF THE ORENBURG DEPARTMENT IN THE REGIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 427, 118–124.

DOI: 10.17223/15617793/427/15

Gulbanu B. Izbassarova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: iz_gulbanu@mail.ru

Keywords: Kazakh steppe of Orenburg department; reform; N.I. Lyubimov; M.V. Ladyzhensky; F.M. Lazarevsky; regional policy; Russian Empire.

The aim of this article is to study the standpoints and opinions of N.I. Lyubimov, M.V. Ladyzhensky and F.M. Lazarevsky, officials of different ranks who carried out regional policy in the Kazakh steppe, on further improvement of the government policy in the periphery after the introduction of the Regulations on the Management of the Orenburg Kirghiz in 1844. The aim is achieved by studying the following issues: identification of the range of suggestions requiring further improvement in the administrative and territorial policy of the empire in the outskirts; study of the opinion of the above-named officials in solving the assigned tasks of the government; analysis of their ideas on achieving the tasks. The research is based on the archival materials that the author found in archives of Russia and Kazakhstan and on a wide range of various published sources. The structural-system approach in studying the data allowed the author to describe the outlines of the government policy, to investigate the genesis of the views of officials of different ranks on the development of the Kazakh society and on the improvement of the administrative policy after the introduction of the 1844 reform in the Orenburg region. The approach helped to reveal weaknesses in the law, to identify suggestions on improving the management of the Kazakh steppe and to track the implementation of these suggestions. During the study the author came to the following conclusions: 1. The regional policy of the Russian Empire pursued the goal of political and economic integration of the country, the establishment of its legal, social and administrative homogeneity, but the center was forced to take into account the characteristics of the outskirts. 2. On the territory of the Kazakh steppe, the government course was aimed at transforming the political and legal status within the Russian state, but taking into account Kazakh customs, at introducing judicial proceedings on the basis of Kazakh customary law. 3. The Russian administration in the periphery was supported by the elite of the Kazakh society, the Chingizids, who were appointed sultans-rulers, but later representatives of the “black bone” were also brought to the service of the Russian Empire. 4. The main problems in the province were the issues of regulating relations between Kazakhs, Cossacks and line residents. 5. The kubitka (house) tax required a precise determination of the population and the improvement of its collection technique. N.I. Lyubimov, M.V. Ladyzhensky and F.M. Lazarevsky proposed various methods for improving regional policy in the Kazakh steppe, but some of them remained on paper. Most of the suggestions were taken into account in the implementation of the new reform of 1867–1868 in the Steppe.

REFERENCES

1. State Archive of Orenburg Oblast. Fund 6. List 10. File 5516a. (In Russian).
2. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 4. List 1. File 373. (In Russian).
3. Chechulina, N.D. & Kurdyumova, M.G. (eds) (1914) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 10. St. Petersburg: Tip. Gl. upr. udelov.
4. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 81. 1852. File 222. (In Russian).
5. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 81. File 73. (In Russian).
6. Masevich, M.G. (1960) *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Oktjabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii)* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's accession to Russia to the Great October Socialist Revolution)]. Alma-Ata: KazSSR AS.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 81. 1850. File 215. (In Russian).
8. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 4. List 1. File 389. (In Russian).
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 82. 1848. File 8. (In Russian).
10. Martin, V. (2005) Barymta: oby chay v glazakh kochevnikov, prestuplenie v glazakh imperii [Barymta: a custom in the eyes of the nomads, a crime in the eyes of the empire]. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Received: 16 October 2017